

Р у б е ж ъ.

Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи экстреннаго орловскаго губернскаго земскаго собранія 18 сентября 1915 г. ¹⁾

Гг. гласные!

Въ этотъ поздній часъ я вижу и раздѣляю ваше утомленіе. Я не склоненъ имъ злоупотреблять. Еще сегодня утромъ я хвалился одному изъ васъ, что за все время войны я не произнесъ ни одной рѣчи. И сейчасъ я ограничусь краткимъ, опредѣленнымъ и сухимъ отчетомъ и такимъ же опредѣленнымъ заявленіемъ.

Въ истекшее трехлѣтіе я слѣдовалъ тому же прогрессивному направленію, котораго держался вотъ уже 32 года моею общественной дѣятельности въ Орловской губерніи. Я предпочитаю правовой порядокъ полицейскому и при самыхъ слабыхъ проявленіяхъ его въ законодательныхъ предположеніяхъ я поддерживалъ его и въ комиссіяхъ и при голосованіи Государственнаго Совѣта. Я стоялъ за утвержденіе, развитіе и примѣненіе незыблемыхъ началъ государственныхъ основъ, дарованныхъ 17 октября 1905 года. Я стоялъ за территоріальное распространеніе самоуправленія. Я отстаивалъ развитіе круга дѣйствій мѣстныхъ учреждений.

Вотъ мой краткій, сухой, опредѣленный отчетъ. Но эти два года законодательной дѣятельности, конечно, блѣднѣютъ передъ третьимъ и еще болѣе передъ рубежомъ, на который насъ ставятъ сегодняшніе выборы.

Я думалъ, что сумѣю высказаться по одному изъ вопросовъ сегодняшней программы. Этотъ пунктъ былъ снятъ администраціей. Я подчиняюсь и не коснусь ни существа вопроса, ни его исхода, а ограничусь необходимымъ объясненіемъ. Мы переживаемъ слишкомъ отвѣтственное время, чтобы затушевывать жуткое, обходить острое, избѣгать опаснаго. И не намъ, старикамъ, давать молодежи такой примѣръ мелководшія,

¹⁾ Послѣ этой рѣчи были выборы, въ результатѣ которыхъ М. А. Стаховичъ снова вошелъ въ Государственный Совѣтъ избраникомъ орловскаго земства.—Ред.

этого губительнаго чувства среди титанической борьбы, которую ведетъ Россія съ небывалымъ даже на нее нашествіемъ.

Вы помните, гг. гласные, что при первыхъ раскатахъ этой далеко еще не отшумѣвшей бури родной и властный голосъ позвалъ всѣхъ подданныхъ къ объединенію противъ общаго врага.

Вы знаете, что засѣданіе 26 іюля 1914 года явилось передо всей Европой блестящимъ аттестатомъ зрѣлости русской Государственной Думы.

Я послушался преподаннаго указанія и въ скромныхъ условіяхъ моихъ малыхъ силъ и крупныхъ лѣтъ принялъ руководство довѣренныхъ мнѣ учреждений Краснаго Креста, чтобы посильно помогать воюющимъ, подбирать раненыхъ и больныхъ.

Пока мы бились въ приблизительно равныхъ условіяхъ, я слѣдовалъ за неизмѣнно побѣдоноснымъ нашимъ войскомъ черезъ Злочувъ и Львовъ, Раву Русскую и Любачувъ, въ тылу его, и подъ защитой мы форсировали Санъ, взяли Любачувъ, Ржешувъ и Тарновъ, докатились до Кракова, который изъ Велички мы видѣли невооруженнымъ глазомъ, какъ на ладонкѣ.

И вотъ въ это-то время, въ ноябрѣ—декабрѣ 1914 г., явились первыя недоумѣнія, вызванныя неожиданными и страшными слухами. Я упоминаю о нихъ не ради критики и обличенія, а потому, что неожиданно участвовалъ въ нихъ, какъ членъ Государственнаго Совѣта, т.-е. вашъ ставленникъ. Командующимъ одной изъ армій я былъ посланъ для выясненія нѣкоторыхъ подробностей будущаго снабженія къ тогдашнему распорядителю боевого и глубокаго тыла, къ лицу, обезпечивающему всю армію всѣмъ необходимымъ ей оборудованіемъ.

Я получилъ исчерпывающія завѣренія, просилъ и получилъ копіи расчетовъ, таблицъ и схемъ самаго достовѣрнаго назначенія, обезпечивавшихъ ихъ исполненіе. Невѣрность являлась слишкомъ чудовищной по послѣдствіямъ, чтобы ее можно было допустить. Я привезъ ихъ въ армію и явился невольнымъ участникомъ ужаснаго 7-мѣсячнаго бездѣйствія, которое наши союзники, а еще больше наши враги, использовали для спѣшныхъ и мощныхъ заготовленій.

И вотъ ровно 5 мѣсяцевъ тому назадъ, въ такой же ясный, какъ сегодня, вечеръ 18 апрѣля у Горлицы и Тарнова загрохоталъ еще неслыханный огонь, и началось невиданное въ исторіи отступленіе: та *Via dolorosa*, тотъ крестный путь отъ Кракова почти до Двинска, по которому численно превосходная армія съ еще невиданнымъ совершенствомъ оборудованія билась на смерть со слабѣйшей и борющейся голыми руками, неслыханная дуэль дальнобойныхъ орудій, сметающихъ все на разстояніи 20, даже 22 верстъ, со штыковымъ ударомъ и рукопашнымъ боемъ,—крестный путь на многія сотни верстъ, который Россія усѣяла „дѣтями своихъ деревень“ и полила благородной кровью тѣхъ малыхъ,

что любили свою Россію паче своей жлппи и душу свою за нее положили! Мы всё, читавшіе, слышавшіе, видѣвшіе это,—мы всё не въ правѣ забыть этотъ скорбный путь чисто-литургическаго искупленія: то было самое тѣло народа русскаго, ломимое въ страстяхъ; то была кровь его, изливаемая во оставленіе грѣховъ... Не его грѣховъ!

Но когда мы отступили уже черезъ границу, когда вражеское нашествіе наполнило русскую землю на пространствѣ 600 верстѣ, недоумѣніе перешло въ ужасъ, русское общество спросило себя: не станется ли этотъ самообманъ—просто обманомъ? Гдѣ правда? Довольно губительной жи... Попытаемся установить правду, чтобы помочь и спасти.

Вотъ когда наступилъ критическій моментъ. Мы ровнялись на зовъ къ единенію. Но единеніе—въ спасительномъ дѣйствѣ, а не соучастіи въ преступномъ непредвидѣннѣи, пассивномъ бездѣйствіи и малодушномъ его сокрытіи... Мы должны встать объединенной страной, а не кучкой—я чуть не сказалъ шайкой—сговорившихся все скрывать, готовыхъ исползовать бѣду родины, какъ покрывку своимъ грѣхамъ. Нуженъ былъ подъемъ духа, но духа организованнаго и непремѣнно на единую непреложную цѣль направленнаго. Для этого нужно было пробудить въ обществѣ энтузіазмъ, но энтузіазмъ самоограниченія и даже самопожертвованія. Для всего этого нужна была величайшая дѣйственность при условіи величайшаго спокойствія.

Ради осуществленія этой трудной и отвѣтственной задачи общественные дѣятели указали двѣ мѣры: одну матеріальнаго характера—мобилизацію промышленности, другую духовнаго значенія—созывъ Государственной Думы. И если она, какъ я сказалъ раньше, заслужила 26 іюля 1914 года „аттестатъ зрѣлости“, то черезъ годъ, въ послѣднюю іюльскую сессію русская Дума блестяще выдержала свой государственный экзаменъ... *Sum maxima laude.*

Передъ нею стояли три опасности для крѣпости и стойкости имперіи среди борьбы на жизнь и на смерть. По ихъ грозной важности я ставлю ихъ въ слѣдующей постепенности: первая опасность—демагогія, вторая—малодушіе, и только на третьемъ мѣстѣ—Германія и ея страшная сила.

Въ критическіе моменты исторіи демагогія и малодушіе всегда соединяются. Они дѣти одной матери—отчаянія. Всякая демагогія опасна тѣмъ, что впереди борьбы съ исключительнымъ и общимъ врагомъ она ставитъ обычныхъ и личныхъ своихъ враговъ.

Взвѣсьте лозунги того и другого демагогическаго крыла, крайней правой и крайней лѣвой политической боевой фаланги, и попробуйте выбрать: одни бессмысленно зываютъ къ защитѣ Верховной власти отъ собственной страны; другіе выставляютъ кощунственный лозунгъ защиты страны отъ ею же установленной Верховной власти.

Малодушіе граничить съ безнадежностью. Подъ рокоть негодующаго слова: измѣна! съ лукавымъ коварствомъ просачивается слово: миръ. Сквозь отчаяніе къ безнадежности пытаются пристегнуть позоръ!

Разъяснять вамъ третью опасность—силу Германіи—я не стану.

Вотъ передъ чѣмъ стала созданная Дума, вотъ на какой почвѣ возникло и образовалось то спасительное единеніе, которое иногда съ пренебреженіемъ, иногда съ предубѣжденіемъ называютъ блокомъ. Старательно подчеркиваю передъ вами, что являюсь не только его участникомъ, но былъ въ числѣ его инициаторовъ. Добавляю, что если получу отъ васъ полномочія на дальнѣйшую политическую дѣятельность, я не сойду съ его программы.

Гг. гласные! Помните, что задача и заслуга политики—въ достиженіи необходимыхъ цѣлей наличными средствами. Не традиціонными, не излюбленными или кратчайшими, а наличными, т.-е. возможными. И я не могу представить себѣ единенія безъ уговора и уступокъ, безъ одолѣнія этихъ двухъ величайшихъ трудностей въ политическомъ обиходѣ. Только лучшіе слуги страны способны на это самоотверженіе и только въ отвѣтственные минуты переживаемой государствомъ великой опасности. Только энтузіазмъ патріотизма приводитъ въ одну армію, ставить подъ одно знамя Гучкова и Милюкова, твердаго и умнаго Шульгина, Шидловскаго, Крупенскаго съ такими сильными и талантливыми противниками, какъ Вас. Маклаковъ и Львовы; усаживаетъ Шингарева и Родичева за одинъ столъ съ такими завѣдомыми носителями довѣрія Верховной власти, какъ недавніе министры Манухинъ, Оболенскій, Немѣшаевъ, Кауфманъ.

Надо удивляться, что неполныхъ 10 лѣтъ очень неважной, по откровенному моему мнѣнію, Думы взрастили въ народѣ такое государственное сознаніе, такой государственннй смыслъ и способность его слушаться. Подумайте, что нашли въ себѣ рѣшимость и силу объединенія десятки молодыхъ еще и потому обыкновенно непримиримыхъ политическихъ партій, сотни и тысячи политическихъ дѣятелей, всѣ города, всѣ земства Россіи, наконецъ, рѣшительное большинство огромной и бурной арміи рабочихъ... А вотъ 12 министровъ никакъ не могутъ объединиться, какъ ихъ ни пересаживаютъ... Судите же, господа, гдѣ бѣлая зрѣлость? На чьей сторонѣ больше искренняго патріотизма и способности самопожертвованія?

Твердую власть можно обезпечить только сильнымъ и сознательнымъ большинствомъ. Тогда она спокойна за порядокъ и за внутренній миръ. А развѣ исторія не поставила передъ нами, отвѣтственными не только за современную, но и за будущую Россію, роковой угрозы,—будетъ ли наша родина имперіей, какъ Испанія, на пространствѣ которой тоже когда-то не заходило солнце, или энергичная и крѣпкая, какъ наша

союзница Англія? Внесетъ ли въ сокровищницу челоѣчества русскій народъ свою культуру, свои вѣрованія и душу? Развѣ исторія не ставитъ передъ нами категорическаго императива:

или внутренній миръ во что бы то ни стало;

или миръ внѣшній, на условіяхъ, какія предпишетъ злобный и безпощадный врагъ.

Гг., я высказалъ вамъ открыто, что я думаю и какъ намѣренъ дѣйствовать. Но для того, чтобы знать навѣрное, могу ли я при этомъ считать себя вашимъ ставленникомъ въ Верхней палатѣ, раздѣляете ли вы мои взгляды и поддерживаете мою программу, я прошу г. предсѣдателя подвергнуть меня баллотировкѣ.

Михаиль Стаховичъ.